

пополнить самостоятельными этюдами по славянской лексике леса и лесного хозяйства. В этой связи надлежало бы в первую очередь тщательно обследовать слав. *lēsъ*, до сих пор плохо объясненное. Пусть же книга Трира послужит хорошим примером для славистов-этимологов и поводом для проведения аналогичного анализа славянских терминов.

O. N. Трубачев

G. R. Solt a. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes. Wien, Mechitharisten-Buchdruckerei, 1960, 8°, 511 стр.

В пятидесятые годы наметился вполне оправданный сдвиг в сторону максимального использования лексических данных в индоевропейской диалектографии. При наличии лексико-словообразовательных и пространственных критериев, позволяющих путем этимологического анализа установить иерархию изолекс, отделить ищевации от архаизмов, исследование элементов словаря приобретает первостепенное значение особенно в языках, далеко ушедших в своем фономорфологическом развитии от общеиндоевропейского (тохарский, армянский и т. п.), или в тех случаях, когда от языков сохранились лишь незначительные лексические реликты (например, древние погреческие языки Балканского полуострова). Преимущества такого подхода к свидетельствам лексики были убедительно продемонстрированы в некоторых работах Г. Краэ и известной монографии В. Порцига (W. Porzig. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954), нашедшей широкий отклик в среде ученых, интересующихся проблемами членения и взаимодействия индоевропейских диалектов¹.

Предлагаемая вниманию читателя книга венского индоевропеиста Г. Р. Зольта примечательна прежде всего тем, что в ней рассматривается только словарный материал. Вполне сознавая невозможность установить положение языка среди других языков лишь на основе лексических критериев, но полагая в то же время, что «словарный состав есть и остается первым и наиболее надежным средством для выявления диалектной дифференциации» (стр. 12 сл.), автор с помошью современной методики лингво-географического анализа индоевропейской части древнеармянского лексического фонда стремится, и небезуспешно, как нам кажется, определить место армянского языка в кругу индоевропейской семьи². Между

¹ Например, А. Камменхубер и О. Хаас в своих недавних работах прямозываются на труд В. Порцига как на работу, стимулирующую к разысканиям в том же направлении и с теми же методическими установками (A. Kammenhuber. Zur Stellung des Hethitisch-luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache. — KZ 77, 1—2, 1961, стр 31; O. Haas. Lexikalische Anklänge an Slavisches in den Sprachresten Kleinasiens und Griechenland. — «Godišnjak» II (Balkanološki institut). Sarajevo, 1961, стр. 66).

² Необходимо отметить, что Зольта провел свое исследование независимо от В. Порцига; рукопись рецензируемой книги была закончена в 1952 г. и публиковалась небольшими частями в журнале «Handes Amstorga» с 1953 по 1960 г.

прочим, Х. Гюбшман, опубликовавший почти сто лет назад статью с подобным названием, исходил сугубо из фонетических данных³.

Зольта избрал простую и, можно сказать, рельефную композицию, обусловленную поставленной задачей и особенностями исследуемого материала. Весь индоевропейский лексический фонд армянского языка разбит на четыре группы в зависимости от характера внеармянских генетических связей. Часть А: *Wörter, deren Beziehungen als gemeinindogermanisch anzusehen sind* (стр. 19—116) — содержит слова, которые как цельные лексемы (или их корни) с некоторыми оговорками могут быть признаны общепроиндоевропейскими. В: *Wörter, zu denen sich Verwandtschaftsbeziehungen in der Mehrzahl der anderen idg. Sprachen finden* (стр. 117—278) — включает слова, встречающиеся во многих, но не во всех индоевропейских языках. С: *Wörter, die im Armen. und einer kleineren Gruppe (Minderheit) anderer idg. Sprachen vorkommen* (стр. 279—402) — собраны слова, общие у армянского с небольшим числом индоевропейских языков. И, наконец, последняя часть, Д: *Wörter, die das Armenische im wesentlichen nur mit einem anderen idg. Sprache gemein hat* (стр. 403—457) — рассматривается все случаи локальных, главным образом лексико-словообразовательных, изоглосс армянского языка с одним индоевропейским языком. Каждая из этих частей разбита еще на четыре подгруппы: I. Существительные, II. Прилагательные, III. Глаголы, IV. Другие части речи. Внутри этих подгрупп материалдается, как в этимологическом словаре, по армянским словам, расположенным в латинском алфавите. В заключении (*Zusammenfassung*, стр. 458—485) объединены по языкам все двусторонние лексико-словообразовательные изоглоссы и все групповые соответствия. Имеются указатели — предметный и армянских слов в латинской транскрипции.

В итоге автор пришел к следующим выводам: 1. «Армянский язык — не только индоевропейский, но представляет собой один из компонентов общепроиндоевропейского» (стр. 10); 2. Из анализа локальных изоглосс вытекает, что «армяно-греческое родство было исключительно тесным». Кстати, рассматривая общие для греческого и армянского инновации, Порциг с еще более убедительной аргументацией пришел к тому же выводу⁴; 3. «Связь между армянским и германским теснее, чем об этом до сих пор думали»⁵; 4. Часто высказываемое мнение о близком родстве армянского с фригийским⁶, во многом основанное на античной традиции, статистическими выкладками Зольта не подтверждается (стр. 461)⁷ (вообще лексические общности у армянского с балканскими языками — фракийским,

³ H. Hübschmann. Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. — KZ 23, 1877, стр. 5—49.

⁴ W. Pötzl. Указ. соч., стр. 155—157. Интересно, что еще сравнительно недавно Фр. Шпехт и Э. Швицер высказывались об обособленности греческого языка и об отсутствии тесных связей у него с каким-либо из индоевропейских языков (Fr. Specht. Die Ausbreitung der Indogermanen. Berlin, 1944, стр. 12; E. Schwyz. Griechische Grammatik, Bd I. München, 1939, стр. 55).

⁵ См. также: А. А. Асмандулян. К вопросу о методике этимологического исследования. (Значение армянских параллелей для этимологии древнерусской лексики). Автореферат. М., 1952, стр. 18.

⁶ В новое время Г. Бонфантэ, Вл. Георгиев, И. М. Дьяконов и некоторые другие склонны по-прежнему считать армянский и фригийский близкими диалектами одного языка (G. Bonfante. Armenians and Phrygians. — «Armenian Quarterly» I, 1946, стр. 81 сл.; В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 142 сл.; И. М. Дьяконов. Хетты, фригийцы, армяне. — «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 366 сл.).

⁷ К тому же выводу пришел О. Хаас, исследуя язык позднефригийских надписей; он считает, что общие элементы в лексике армянского

древнемакедонским, фригийским и иллирийским, согласно Зольта, очень малочисленны).

Подвергнув морфемно-словообразовательному анализу круг соответствий: арм. *ozn* (*io*-основа), греч. ἔχως, др.-в.-нем. *igil*, лит. *ežys*, ст.-слав. *ježъ*, фриг. εξις (или, точнее, εξις) — все со значением 'еж', автор приходит к утверждению, что «армяно-фригийские связи намного менее тесные, чем армяно-греческие».

На стр. 482 автор расположил все индоевропейские языки в порядке убывания количества соответствий у армянского с каждым из них, а именно: 1) греческий, 2) древнеиндийский, 3) германский, 4) балтийский, 5) славянский, 6) латинский, 7) иранский, 8) кельтский, 9) албанский, 10) тохарский, 11) фригийский, 12) фракийский, 13) иллирийский, 14) хеттский (стр. 482; ср. стр. 116, где дан ряд относительной близости армянского в рамках общесиндоевропейских слов: 1) греч., 2) др.-инд., 3) лат., 4) ир., 5) балт., 6) тохар., 7) герм., 8) слав., 9) алб., 10) фриг., 11) фрак., 12) иллир., 13) кельт.).

Симптоматично, по нашему мнению, а не случайно, как думает Р. Шмитт⁸, что относительная степень близости, установленная Зольта на базе локальных изоглосс для армянского языка с греч., др.-инд., герм., балт., слав., совпадает с выводами Порцига, опиравшегося на более широкие основания⁹, но существенно расходится, кроме греческого, с результатами работы А. Л. Кребера и К. Д. Кретьена, подвергших статистической обработке 30 фонетических и 44 морфологических изоглосс в пределах девяти языков (без алб., тохар., фриг., фрак., иллир., хетт.)¹⁰. Последнее свидетельствует о разных возможностях при исследовании фономорфологических и лексических данных, но тем надежнее факты, устанавливаемые при совпадении анализа на всех уровнях, как в случае с постулированием тесных связей между армянским и греческим.

Не имея возможности вдаваться в разбор отдельных этимологий, которые к тому же, согласно утверждению автора, по большей части неоригинальны и взяты из различных этимологических словарей (стр. 11; все ссылки на словари даются в начале каждой словарной статьи)¹¹, заметим лишь, что небольшое число изоглосс у армянского с негреческими языками Балканского п-ова может быть вызвано бедностью дошедшего лексического материала, но и при этом фригийский стоит на первом месте среди других балканских языков.

Рассмотренная работа, кроме того, показывает, насколько полезно провести подобное исследование в отношении каждого индоевропейского языка¹².

и фригийского обусловлены воздействием дофригийского субстрата в Малой Азии (О. Haas. Die phrygische Sprache im Lichte der Glossen und Namen. — «Балканское языкознание» II, 1960, стр. 47; его же. Armenier und Phryger. — Там же, III, 2, 1961, стр. 31, 47 сл., 64 сл.; его же. Zur Vorgeschichte der armenischen Sprache. — «Handes Amsorya» 1961, № 10—12, стр. 566, 589 сл., 591 сл., 610 сл. См. также: R. Gusmani. Il frigio e le altre lingue indeuropee. — «Rendiconti» 93, I, 1959, стр. 45 сл. — К отрицанию античной традиции Р. Гусмани пришел на основе лингво-географического анализа фонетических и морфологических черт фригийского языка, реконструированных им в этой же статье.

⁸ R. Schmitt. [Рец. на рассматриваемую книгу]. — «Kratylos» VII, 2, 1962, стр. 152.

⁹ W. Pötzig. Указ. соч., стр. 213.

¹⁰ A. L. Kroeger, C. D. Chrétiens. Quantitative Classification of Indo-European Languages. — «Languagé» 13, 2, 1937, стр. 83—103.

¹¹ Отдельные замечания по этимологиям см. в указ. рец. Р. Шмитта и кн.: Э. А. Макасов. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М.—Л., 1964.

¹² О важности представить индоевропейское состояние с точки зрения

Сверх всего изложенного, монография Зольта имеет еще самодовлеющую ценность в качестве этимологического словаря индоевропейской части древнеармянского словаря; это тем более важно, что по известным причинам словарь Ачаряна труднодоступен.

Л. А. Гиндин

Ph. H. J. Houwink ten Cate. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period. Leiden, 1961, XI + 236 стр. + 1 карта

Рецензируемая книга, представляющая собой докторскую диссертацию молодого голландского лингвиста Фило Хендрика Яна Хоуинка тен Кате, посвящена исследованию позднелувийской ономастики, сохранившейся в туземных надписях и в греческой передаче. Хотя книга представляет собой всего лишь результат систематизации известного материала, с ее появлением можно считать окончательно доказанной весьма важную хеттологическую гипотезу, согласно которой весь юг Малой Азии был заселен в греко-римскую эпоху хетто-лувийскими народностями (см. особенно стр. 120)¹. Как показал Хоуинк тен Кате, Ликия, Писидия, Памфилия, Исафрия, Ликаония, Киликия были населены в эту эпоху позднелувийскими народностями; мы можем соответственно утверждать, что Лидия и Кария были населены позднехеттскими народностями².

Монография Хоуинка тен Кате состоит из Введения, шести глав и Заключения; в книге приложены индексы и карта. Из общего плана монографии выпадают главы 2 и 3 («Ликийский — один из лувийских языков», стр. 51—86 и «Избранные ликийские тексты», стр. 87—10), фактически представляющие собой приложение к работе. Вопросам истории и доистории позднелувийских народностей (в той или иной степени затрагиваемых во всех разделах книги) специально посвящены гл. 1 («Некоторые факты истории», стр. 1—50) и Заключение (стр. 188—215; вопросы истории рассматриваются здесь на материале языковых данных); остальные разделы работы посвящены проблемам систематизации и идентификации собственных имен лувийского происхождения (гл. 4 — «Транслитерация собственных имен», стр. 101—112; гл. 5 — «Лувийские элементы в ономастике эпохи эллинизма», стр. 113—120 и гл. 6 — «Сложные собственные имена лувийского происхождения в эпоху эллинизма», стр. 121—187).

Ученый выдающегося хеттолога Эммануэля Лароша, Хоуинк тен Кате в основном следует за Ларошем в идентификации компонентов, составляющих позднелувийские собственные имена. Так, имя лик. Ḫarṣas (ср. кар. Ḫarṣas) включает, по мнению Хоуинка тен Кате, основу *erbbe-*, отождествленную Ларошем с лув. *arga-* 'Ungunst, Mißergesell' (см. стр. 146 сл.). В имени лик. Kibd-սորս идентифицируется хеттский префикс *hanta-* 'перед'

каждого индоевропейского языка см.: В. Н. Топоров. О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола. — *International journal of Slavic linguistics and poetics* V, 1962, стр. 34.

¹ Ср. в этой связи: A. Goetze. The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names. — *JCS* 8, 1954, стр. 74 сл.; его же. Cilicians. — *JCS* 16, 1962, стр. 48 сл.

² В отношении ликийского языка и его носителей см.: О. Саггуба. Lydisch und Lyder. — *MIOF* 8, 1963, стр. 383 сл.; в отношении карийского языка и его носителей см.: В. В. Шеворопкин. Опыт дешифровки карийских надписей. — ВДИ 1965, № 1.